

Предложения Джона Болтона по иранскому треку политики США

Комментарий Центра АРВАК, 09.09.2026

Аннотация

АРВАК анализирует текущую внешнеполитическую ситуацию на иранском направлении в контексте заявлений бывшего советника по национальной безопасности Джона Болтона от сентября 2026 года. Рассматривается критика администрации Дональда Трампа с фокусированием на противоречиях между декларируемыми целями по «смене режима» в Тегеране и реальными дипломатическими действиями Вашингтона. Особое внимание уделено концептуальному отказу Белого дома от использования «курдского фактора» в обмен на развитие отношений с Турцией, а также анализу эффективности вводимых экономических санкций в условиях адаптации иранской экономики. В комментарии обосновывается тезис о том, что возникший «иранский тупик» становится ключевым фактором, определяющим риски для Республиканской партии в преддверии промежуточных выборов в США 2026 года, усиливая внутренние политические разногласия в американском истеблишменте.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика США, администрация Трампа, Джон Болтон, курдский фактор, Ближний Восток, экономические санкции, промежуточные выборы 2026 года, геополитическая стратегия, РЯК, Республиканская партия.

1. Ультиматум Болтона: критический дискурс вокруг ближневосточного курса Белого дома

В интервью американскому изданию от 1 сентября 2026 года экс-советник Дональда Трампа по национальной безопасности Джон Болтон подчеркнул, что у Белого дома сохраняется ограниченное окно в 60 дней для оказания содействия иранским оппозиционным силам с целью «организации внутреннего давления на режим в Тегеране». Эксперт призывает Вашингтон «возобновить взаимодействие с курдами», тем самым развивая инициативу Израиля, начатую в феврале авиаударами по объектам на территории Ирана.

Даже после публичного конфликта с Дональдом Трампом в период его первого президентского срока и последующей отставки Джон Болтон продолжал пристально отслеживать иранскую политику экс-главы Белого дома и регулярно выступать с публичными рекомендациями. Экс-советник непреклонно отстаивал необходимость курса на «дестабилизацию режима в Тегеране» и активную поддержку радикальных оппозиционных групп. По его мнению, ключевые стратегические цели Вашингтона не могут быть достигнуты исключительно посредством авиаударов или прямого военного вторжения США в Иран. Он убежден, что любые попытки склонить «радикальный режим» к уступкам или компромиссу обречены на провал, поэтому единственным выходом остается его демонтаж. Добиться этой цели, согласно Болтону, возможно лишь руками иранских оппозиционных сил и «угнетаемых» этнических меньшинств, способных поднять вооруженное восстание и спровоцировать гражданскую войну внутри страны.

В январе 2026 года, когда американо-израильская воздушная кампания достигла своего пика, Болтон настоятельно призывал Трампа придерживаться безальтернативного курса на ликвидацию теократической власти в Тегеране. Он подчеркивал, что «смена режима – абсолютное условие любой надежды на прочный мир и безопасность на Ближнем Востоке и, по сути, единственный путь устранить угрозу международного терроризма и ядерного оружия, которую представляет власть в Тегеране».

2. Иранская повестка как электоральный риск для Республиканской партии

Учитывая текущие реалии в Иране – где позиции консервативных кругов и КСИР дополнительно укрепились после вступления в должность новоизбранного Верховного лидера Моджтабы Хаменеи, известного своим жестким антиамериканским курсом, – сентябрьское заявление Болтона звучит как последнее предупреждение Дональду Трампу и республиканскому лагерю. Республиканцы рискуют утратить власть из-за просчетов на иранском направлении. Указанное им 60-дневное окно явно привязано к предстоящим промежуточным выборам в США: если администрации не удастся расшатать внутреннюю обстановку в ИРИ и представить этот результат избирателям как ключевой внешнеполитический успех Трампа, убедительную победу, по всем признакам, одержат демократы.

Заявление Дж. Болтона отражает не столько его личную экспертную позицию, сколько глубокий раскол внутри Республиканской партии, спровоцированный опасениями за исход предстоящего общенационального голосования. Как выразитель настроений консервативного крыла, Болтон озвучивает тревогу партийцев по поводу возможного провала внешнеполитического курса США на иранском направлении. По первоначальному замыслу Белого дома, предвыборная кампания 2026 г. по выборам в обе палаты Конгресса должна была строиться на демонстрации американских «успехов» в Иране. Однако республиканцы все отчетливее осознают, что возникший «иранский тупик» становится мощным козырем в руках Демократической партии. Это создает риск убедительного реванша демократов на выборах с последующим немедленным запуском процедуры импичмента президента-республиканца.

Между тем в рядах республиканцев явственно ощущаются раскол и панические настроения, вызванные неопределенностью курса Белого дома по критически важному иранскому треку, способному предопределить итоги промежуточных выборов в США. Выступление Болтона выглядело в большей степени как критический упрек, нежели как практический план, поскольку предложенный им 60-дневный ультиматум для разжигания внутреннего конфликта в Иране представляется малореалистичным. По сути, экс-советник указал Трампу и его администрации на два ключевых просчета в их иранской стратегии: проявленную нерешительность при попытках дестабилизировать Тегеран изнутри и нежелание задействовать «курдский фактор» как инструмент внутреннего конфликта.

Заявление политика весьма симптоматично совпало с анонсом *«беспрецедентных и беспрецедентно масштабных экономических санкций против Ирана»*, провозглашенных Трампом, а также с известиями о полном сворачивании американской программы военной помощи силам «Пешмерга» в Иракском Курдистане. Болтон, а также согласные с ним республиканские деятели и эксперты убеждены, что подобные промахи лишь приближают дипломатический провал Вашингтона, превращая затянувшийся тупик вокруг Ирана в полномасштабное поражение американской политики.

3. Об эффективности экономической политики США в отношении ИРИ

Ряд американских экономических экспертов и республиканских «ястребов» сходятся во мнении, что Иран сумеет эффективно адаптироваться к введенным

Вашингтоном санкциям. Тегеран продолжит планомерно выводить свои торговые и финансовые механизмы из-под наблюдения и регуляторного контроля Минфина и других профильных ведомств США. Для нейтрализации американских ограничений ключевым фактором уже стала позиция Китая – главного экономического партнера ИРИ, отказавшегося следовать указаниям Вашингтона. В экстренном заявлении МИД КНР назвал односторонние меры США «незаконными», подчеркнув решимость защищать национальные интересы. Пекин не планирует сокращать закупки доступной иранской нефти и намеревается пресекать любые попытки США заблокировать схемы взаиморасчетов в двусторонней торговле. Согласно прогнозам аналитиков, прочие экономические партнеры Тегерана также будут вынуждены выстраивать каналы обхода вторичных санкций для сохранения деловых связей. В свою очередь, попытки Вашингтона применить санкционные меры против этих стран лишь усилят раздражение и эскалацию напряженности в их отношениях с Соединенными Штатами.

Однако одним из ключевых мотивов критики санкций со стороны «ястребов» в консервативном крыле Республиканской партии является тот факт, что в Белом доме сами не уверены в результативности этих мер и сроках их реального воздействия на политику Тегерана. Так, 31.08.2026 г. министр финансов США Скотт Бессент в интервью агентству *Reuters* заявил, что *«результаты санкционного давления на Иран дадут о себе знать в течение нескольких недель, а возможно, и месяцев»*. При этом на вопрос о том, почему США не предпринимают немедленных мер против государств, уже нарушающих регламент новых американских санкций, министр ответил, что Вашингтон надеется избежать конфронтации, поскольку не хочет *«взорвать мировую финансовую систему»*.

Парадоксальные тезисы Скотта Бессента заставляют скептиков в американском истеблишменте усомниться в эффективности *«беспрецедентных санкций»*, степень влияния которых на укрепление предвыборных позиций республиканцев окажется нулевой. С другой стороны, недовольство «ястребов» вызывает то обстоятельство, что в одном из своих выступлений по поводу введенных санкций министр Бессент заявил, что целью этих масштабных ограничительных мер является принуждение иранских властей к возвращению за стол мирных переговоров. Очевидно, именно это имел в виду Джон Болтон, говоря, что США нужна полная смена режима в Иране, чего можно добиться посредством дестабилизации ситуации и провоцирования гражданской войны. Возвращение же за стол переговоров *«террористического режима»* – это совсем не то, чего хотят «ястребы» в США и что, по их мнению, не спасет республиканцев от поражения на ноябрьских промежуточных выборах.

4. «Курдский фактор» как нереализованный стратегический ресурс

Ключевым промахом Трампа в иранской политике критики называют игнорирование курдского фактора. С момента вступления в большую политику Дональд Трамп сомневался в целесообразности американо-курдского альянса на Ближнем Востоке – проекта, заложенного Генри Киссинджером и с 2000-х годов продвигаемого двухпартийным кокусом Конгресса США (КАСС). Инициативу поддерживали ведущие лоббистские структуры (*Ballard Partners, BGR Government Affairs, Patton Boggs, Hogan Lovells*), работавшие с иракско-курдскими кланами Барзани и Талабани. Влиятельные конгрессмены, включая

демократа Чака Шумера и республиканца Линдси Грэма, рассматривали субъектность курдов как важный рычаг влияния Вашингтона на Анкару, Тегеран и арабские столицы. Хотя события «Арабской весны» и гражданский конфликт в Сирии открыли, казалось бы, идеальные возможности для закрепления курдского суверенитета – рассматривавшегося архитекторами ближневосточного курса США при Б. Обаме и Дж. Байдене как заслуженная награда иракским и сирийским курдам за ликвидацию ИГИЛ, – Дональд Трамп еще в период своего первого президентства кардинально пересмотрел данный подход. Действуя вопреки позиции Демократической партии и сопротивлению прокурдских республиканских «ястребов», он приравнял военное присутствие США в Сирийском Курдистане (Рожаве) к интервенции в Афганистан, объявив дальнейшее нахождение американских войск в регионе нецелесообразным. Более того, расходясь с официальным внешнеполитическим курсом Вашингтона, Трамп неоднократно характеризовал курдские формирования как террористические структуры, угрожающие интересам США и стабильности региона. В частности, в октябре 2019 года на переговорах с президентом Италии Серджо Маттареллой он утверждал, что Рабочая партия Курдистана (РПК), ответвлением которой считаются Сирийские демократические силы (СДС), сыгравшие ключевую роль в разгроме ИГИЛ, представляет даже большую опасность и отличается большей жестокостью, чем группировка аль-Багдади. Тогда же Трамп дал старт полному выводу американских сил из курдских районов Сирии, завершив этот процесс уже в ходе второй каденции: в апреле 2026 года под контроль нового правительства в Дамаске во главе с Ахмедом аш-Шараа была передана последняя авиабаза «Касрак» в провинции Хасеке.

Решение о выводе американских войск из Сирийского Курдистана вызвало резкую критику со стороны консервативного крыла Республиканской партии. Республиканские «ястребы» расценили этот шаг не только как предательство курдских союзников, но и как серьезный урон геополитическим позициям США на Ближнем Востоке. Дональда Трампа обвинили в фактическом содействии Анкаре и подконтрольным ей новым сирийским структурам, которые зимой 2025–2026 годов, воспользовавшись гарантиями невмешательства со стороны Вашингтона, развернули наступление на Сирийские демократические силы (СДС). Это давление вынудило руководство Рожавы в январе подписать акт о капитуляции и согласиться на ликвидацию курдской автономии в Сирии. Знаковый представитель консерваторов, сенатор Линдси Грэм, назвал данный подход фундаментальной ошибкой. По его оценке, подобные действия приведут к полной утрате доверия со стороны курдов и обрекут внешнеполитический курс США в регионе на хаотичные и малоэффективные попытки удержать ускользающее влияние.

Эти опасения полностью оправдались в ходе дипломатических усилий администрации Трампа: спецпосланник Том Баррак предпринимал попытки объединить иракских курдов с иранским курдским движением РЖАК («Партия свободной жизни в Курдистане») для формирования единого фронта против тегеранских властей и подстрекательства к восстанию *«угнетенных народов»*. Однако дипломатические усилия США терпят крах. На серии встреч в феврале, марте и июне 2026 года с представителями клана Барзани в Эрбиле и руководством «Патриотического союза Курдистана» (клан Талабани) в Сулеймание спецпосланнику Барраку было отказано в проведении сухопутной операции отрядов «Пешмерга» на территории Ирана.

Главным препятствием для диалога стала передача американцами сирийской Рожавы под контроль Турции и дамасского режима. На фоне прецедента с лидером сирийских курдов Мазлумом Абди, которому Вашингтон ранее гарантировал защиту и суверенитет за ликвидацию ИГИЛ, посулы Баррака относительно суверенитета в иранских провинциях и Иракском Курдистане оценивались американскими аналитиками как «абсолютно нелепые». Накануне этих контактов Мазлум Абди тщетно убеждал Т. Баррака пересмотреть договоренности с Анкарой и Дамаском, чтобы сохранить автономию в Сирии, однако спецпосланник уверял, что централизация государства выгодна самим курдским общинам.

В итоге руководящие круги в Эрбиле и Сулеймание сочли за лучшее отклонить инициативы Вашингтона. Позицию иракских курдов укрепляла и жесткая реакция Тегерана: в ответ на данные переговоры ИРИ нанесла серию превентивных ракетных ударов по военным объектам США и курдов в северной части Ирака. Согласно сведениям аналитического центра *Foundation for Defense of Democracies* из Вашингтона, число таких обстрелов превысило 158. Параллельно иранские силы провели масштабные силовые акции, направленные против группировки PJAK в курдских районах Ирана.

На этом фоне вполне ожидаемым шагом Белого дома стал отказ от финансирования отрядов «Пешмерга». Извлекая уроки из судьбы распущенных сирийских подразделений СДС, иракские курды стремятся избежать роли инструмента в реализации целей Вашингтона, за которой неизбежно последует противостояние с иранскими военными силами один на один. Согласно информации из 4-х независимых источников, еще в середине августа 2026 г. представители Пентагона проинформировали руководство Иракского Курдистана об отказе продлевать соглашение о военной помощи «Пешмерга», истекающее 30 сентября текущего года. Указанный шаг предпринимается одновременно с выводом международной коалиции против ИГИЛ из Ирака и ликвидацией последней американской базы в Эрбиле.

Согласно одному из этих источников, в 2026 финансовом году Пентагон перечислил «Пешмерга» порядка \$61 млн, предназначенных для снабжения оружием, обучения личного состава и выплаты денежного довольствия. Тем не менее в проекте бюджета на 2027 г. американское военное ведомство инициировало полное свертывание данной программы поддержки, объясняя это решение существенным снижением угрозы со стороны ИГИЛ. На фоне активизации иранских сил в приграничных районах Иракского Курдистана данное известие вызвало волну резкого недовольства в Эрбиле и Сулеймание. Дополнительным фактором возмущения курдов стало распространение аффилированными с Белым домом экспертами тезиса о том, что именно «*курды предали интересы США*» на Ближнем Востоке, уклонившись от обязательств по иранскому направлению. В связи с этим сворачивание альянса и отказ от поддержки курдской государственности преподносятся как вынужденная реакция Вашингтона на ненадежность партнеров.

Именно этот стратегический просчет Дональда Трампа вызвал разочарование Джона Болтона и стоящих за ним политических кругов. Практически моментально США лишились внушительного военно-политического ресурса – высокомотивированного и боеспособного контингента численностью в несколько сотен тысяч человек. При грамотных дипломатических шагах и более тонком подходе со стороны Вашингтона эти силы могли

стать основой для проведения сухопутной операции против ИРИ, а также инструментом для разжигания гражданско-политических и этнических волнений внутри Ирана.

По оценкам американских аналитических центров, курдский потенциал в регионе распределялся следующим образом:

- **Сирийские СДС** – до 100 000 бойцов на пике масштабной мобилизации;
- **Иракская «Пешмерга»** – порядка 180 000 человек;
- **Отряды иранского РЖАК** – несколько десятков тысяч партизан.

Вашингтон фактически растратил этот масштабный актив ради сохранения лояльности Турции – ключевого инициатора нейтрализации курдского фактора на Ближнем Востоке. Критики внешнеполитического курса Трампа отдают себе отчет в том, что расположение Анкары имеет первостепенное значение для Белого дома в контексте системного противостояния с Москвой и усиления позиций НАТО на Кавказе, Балканах и в Черноморском регионе. Тем не менее свертывание концептуального проекта американо-курдского партнерства лишает США и Израиль фундаментальной опоры в регионе, размывая их влияние под воздействием новых геополитических реалий.

Впрочем, Джон Болтон проявил себя как прагматик: за его обращением к Белому дому может стоять не просто критика, а расчетливая попытка исправить прошлые промахи на курдском треке в рамках двухмесячного окна. Разумеется, 60 дней недостаточно, чтобы восстановить утраченное доверие и сплотить разнородный спектр курдских кланов, партий, племен и вооруженных формирований под эгидой антииранского курса США. Тем не менее вполне вероятно, что расчет строится исключительно на иранской фракции курдского этноса и действующих в ИРИ партизанских отрядах.

В данном контексте речь идет не о масштабных военных целях – решить их силы РЖАК не в состоянии. Замысел может заключаться в инициировании точечных столкновений с силовиками и провоцировании Тегерана на жесткие антисепаратистские и антикурдские репрессии. Такой сценарий позволит сформировать нужный медийный фон для Дональда Трампа и Республиканской партии, помогая обосновать перед американскими избирателями и международным сообществом целесообразность усиления санкционного давления и продолжения изоляции Ирана – мер, которые, как выяснилось, вредят мировой экономике и самим Соединенным Штатам. В условиях, когда американские аналитики прямо признают неготовность США к ведению затяжной интенсивной войны, команде Трампа не остается ничего другого, кроме как прикрывать свой *«иранский тупик»* риторикой о защите *«угнетенных»* народов.

P. S.

Тем не менее центральным посылом заявления достаточно примечательной для американской политики фигуры Джона Болтона следует считать упомянутый им срок в 60 дней. Экс-советник Трампа, которого некоторые американские эксперты с немалой долей иронии уличили в стремлении стать *«вторым Збигневом Бжезинским»* в новейшей истории США, по сути, установил обратный отсчет времени для Трампа и республиканцев, а возможно, и для всей американской политической системы.